

Е. Н. Ходза

РЕЛЬЕФ КАМПАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I в. н. э.
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ НИЛЬСКОГО ПЕЙЗАЖА

В СОБРАНИИ рельефов Кампана Гос. Эрмитажа имеется небольшой фрагмент с изображением крокодила, сидящего на гигантском цветке лотоса¹ (рис. 1). Длинная морда с оскаленной зубастой пастью, пузатое гладкое туловище с выступом на хребте, напоминающим гребень (хвост не сохранился) и когтистые лапы, вцепившиеся в лепестки цветка, не оставляют никаких сомнений в том, что это — традиционное изображение крокодила, хорошо известное по фрескам и мозаикам с так называемым нильским пейзажем². Над фигурой крокодила проходит рельефная горизонтальная полоса, на которой сохранилось основание сооружения из тростника (судя по его поверхности, проработанной узкими вертикальными параллельными полосками). (Рис. 1—6 см. вклейки к стр. 97).

Среди рельефов Кампана выделяется значительная группа плит с изображениями Нила и его обитателей, но лишь в одном из типов группы встречается крокодил в лотосе, причем тип этот имеет несколько вариантов³. Общим для них является принцип композиционного построения: нильский пейзаж предстает перед зрителем, как бы увиденный через пролеты двух арок, округлые своды которых упираются в украшенные листьями аканфа капители приземистых гладких пилонов. Слева перед пилоном — высокий коринфский пилястр, чей каннелированный ствол увенчивается капителью с листьями аканфа и розеткой. Пилястр поддерживает выступающий тяжелый орнаментально украшенный антаблемент (рис. 2)⁴.

Центральный пилон делит открывающийся в глубине пейзаж на две части. И в той, и в другой части передний план, который как бы отделяется от заднего рельефной горизонтальной линией берега (часть этой линии сохранилась на нашем фрагменте), занимает изображение самого Нила, на поверхности и в водах которого разворачивается основное сюжетное действие.

¹ Инв. № 5753; поступил из собрания Голицыных в 1887 г. Максимальная высота фрагмента — 9,2 см, ширина — 9,1 см. Глина бежевого цвета с розоватым оттенком. Фрагмент потерт, с небольшими царапинами и сколами.

² Kl. Parlasca, в кн. W. Helbig, Führer durch die öffentlichen Sammlungen klassischer Altertümer in Rom¹, Bd. III, Tübingen, 1969, № 2128, 2403, 2381, 2164, см. также ниже прим. 19—21, 23.

³ См. ниже прим. 5 и 6.

⁴ Отсутствие аналогичного коринфского пилястра с противоположной стороны позволяет сделать предположение, что такие плиты крепились на стене по несколько экземпляров в виде фриза, и на последней плите пилястр находился с другой стороны, замыкая композицию.

На большей части плит отрезки линии берега не совпадают точно по уровню — под левой аркой эта линия ниже, чем под правой, и это мешает восприятию пейзажа как единого целого. Такое несовпадение, по всей вероятности, не было умышленным, но имело причиной техническую погрешность, обусловленную несовершенством матрицы. Это тем более объяснимо, если при изготовлении матриц, как предполагает Дж. Керн, использовались специальные штампы с отдельными частями композиции, которыми мастера делали «негативные» изображения на внутренней стороне матрицы⁵. При таком методе сдвиг мог произойти очень легко, а затем механически повторяться на других матрицах.

В правой половине композиции центральное место занимает округлая, с изогнутым, высоким носом и такой же кормой лодка, в которой расположились два гребца-пигмея. Один из них, стоя, отталкивается веслом, другой, бородастый и лысый, усевшись у кормы, делает то ли предостерегающий, то ли подбадривающий жест рукой. Большеголовые, с детскими пропорциями фигурки пигмеев имеют традиционный карикатурный характер. Около лодки плавают две утки и крокодил. В глубине, на берегу, возвышается прямоугольное строение из тростника с двускатной крышей, на которой застыли два аиста. К домику примыкает тростниковая изгородь с открытым проходом. Правая часть пейзажа остается почти неизменной на всех вариантах этого типа плит Кампана⁶.

Несколько иначе обстоит дело с левой частью ландшафта, фрагментом которой и является обломок с крокодилем из эрмитажного собрания. Передний план здесь всегда занимают фигуры бегемота и крокодила, сидящего в цветке лотоса, — эти своеобразные символы нильской стихии. На заднем плане — круглое сооружение из тростника, с конусовидной крышей, на острие которой стоит аист. От круглой хижины отходит влево тростниковая изгородь. Существует, однако, ряд различий в трактовке именно этой левой части пейзажной композиции, позволяющей выделить три варианта этого типа плит Кампана.

В первом варианте стебель лотоса, на цветке которого сидит крокодил, расположен близко к левому краю плиты. Причем растение имеет еще один стебель, завершающийся большим бутоном, который виден над головой крокодила. Бегемот стоит справа от цветка, почти уткнувшись мордой в центральный пилон. Слева от круглой постройки, на уровне завершения изгороди, лежит, повернувшись спиной, обнаженная пигмейка перед гермой Приапа, воздвигнутой на арке входа в конце изгороди. Этот вариант известен по плитам музея в Лейдене⁷ и в глиптотеке Нью-Карлсберг в Копенгагене⁸ (рис. 2а).

Второй вариант, образцом которого может служить рельеф из луврского собрания⁹, отличается от первого тем, что место лежащей пигмейки занимает пигмей, пытающийся, очевидно, прогнать аиста, стоящего над аркой входа.

⁵ J. H. C. Kern, A Roman «Campana» Relief with Nile Landscape (Pygmy Village), «Oudheidkundige Mededelingen», N. R., Leiden, 1958, XXXIX, стр. 17.

⁶ H. von Rohden, H. Winnefeld, Die antiken Terrakotten, Bd. IV, Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit, Berlin—Stuttgart, 1911, табл. XXVII, CXIV; Kern, ук. соч., табл. 3, рис. 3—5.

⁷ Auction Sale XVI, June 30, 1956. Classical Antiquities. Monnaies et Medailles S. A. Basle, № 184, стр. 49, табл. 42, 184; Kern, ук. соч., стр. 10, табл. 3.

⁸ Kern, ук. соч., стр. 13, рис. 13.

⁹ Инв. № С 4205. С фотографией этого рельефа меня любезно ознакомил сотрудник Национального музея в Варшаве В. Добровольский. См. также M. L. Bernard, Sztuka starozytna z Muzeum Luwru, Warszawa, 1960, стр. 51—53.

Наконец, третий вариант — из Музея изобразительных искусств в Будапеште¹⁰ (рис. 2б) и Муниципальной галереи Франкфурта-на-Майне¹¹ — имеет форму плит более вытянутую по вертикали, чем по горизонтали, что позволяет свободнее расположить фигуры животных и растения. Благодаря этому в пейзаже под правой аркой появляются еще два цветка лотоса. В левой части лотос перемещается вправо к центральному пилону, причем стебель с бутоном оказывается с другой стороны и ниже фигуры крокодила, а бегемот располагается слева от лотоса. На краю изгороди стоит аист.

При тщательном рассмотрении эрмитажного фрагмента становится очевидной его принадлежность к рельефу третьего варианта. Доказательство тому — отсутствие бутона лотоса над головой крокодила и расстояние между головой крокодила и рельефной линией берега с основанием изгороди (на первом и втором варианте это расстояние значительно больше).

Рельефы Кампана с изображением нильских пейзажей, населенных пигмеями, наряду с другими рельефами, живописью и мозаиками воплощают одну из популярных тем римского искусства. Ее истоки, по-видимому, следует искать еще в древнеегипетских росписях, рисующих жизнь Нила и болот его дельты, охоту на нильских зверей и птиц¹².

В эллинистическую эпоху alexандрийские художники особенно охотно обращаются к целому ряду мотивов, связанных с этим сюжетом, причем среди нильской флоры и фауны появляются большеголовые, с детскими пропорциями фигурки очень деловитых пигмеев, занятых, как правило, либо рыбной ловлей, либо охотой на бегемотов, крокодилов и птиц. Широкое распространение сюжета борьбы пигмеев с журавлями в греческой вазописи, начиная с чернофигурной керамики VI в. до н. э.¹³, позволяет предположить, что в определенной мере вазовые росписи могли воздействовать на эти более поздние произведения, впервые введя в изобразительное искусство тему борьбы пигмеев с птицами как с равными противниками, даже превышающими их по размерам.

Однако именно в творчестве художников эллинистической Александрии с их особым пристрастием к типажам одновременно смешным и уродливым (каких можно было встретить в пестрой уличной толпе их города и среди карликов и шутов при дворе Птолемеев) изображения эпизодов из жизни пигмеев получают особый гротескно-комический характер, часто с оттенком фривольности или даже скабрёзности. Этот характер импонирует римским нравам и поэтому старательно сохраняется в творчестве римских художников, работавших по alexандрийским образцам¹⁴.

Природная среда Нила с ее своеобразными растениями и животными была сама по себе бесконечно привлекательна для alexандрийских художников. При этом познавательный-информационный аспект, который особенно отчетливо выступает в знаменитой мозаике, созданной на италийской почве alexандрийскими мастерами из храма Фортуны в Пале-

¹⁰ J. Györgyi, L. Castiglione, *Museum der Bildenden Künste. Griechisch-Römische Sammlung. Führer*, Budapest, 1957, стр. 54—55, табл. 26; Kern, ук. соч., стр. 14, рис. 4; Z. Oroszlan, *Szepmuvészeti muzeumunk «Campana dombormuvei»*, «Különlenyomat az Archaeologiai Ertesítő», 1942, ev. 1—2 szambol, табл. L.

¹¹ Kern, ук. соч., стр. 16, рис. 5.

¹² М. И. Ростовцев, *Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж*, СПб., 1908, стр. 74.

¹³ O. Waser, «Pigmaien», в кн. W. H. Roscher, *Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie*, III, 2, Lpz, 1897—1909, стр. 3291 сл.; P. Pellagatti, *Beotici*, «Enciclopedia dell'arte antica», Supplemento, 1970, Roma, 1973, стр. 146, рис. 151.

¹⁴ O. Waser, ук. соч., стр. 3302; G. V. Cattì, *Pigmei*, «Enciclopedia dell'arte antica», VI, Roma, 1965, стр. 167—169.

стрине¹⁵, сливается в их творчестве с утонченным эстетическим восприятием и «преобразованием» природы, в результате чего рождаются произведения, подобные мозаике (тоже выполненной мастерами из Александрии) в доме Фавна в Помпеях, изображающей трясину Нила¹⁶. Здесь нет второстепенных предметов: каждая птица, каждый зверь, каждый цветок исполнены с особой тщательностью и интересом, и эта тщательность, в которой чувствуются почти детские удивление и восхищение мастера перед богатством и чудесами природы, рождает у зрителя ощущение, что несмотря на реализм в передаче цветов, трав и речных обитателей, перед ним — фантастическая картина¹⁷.

В творчестве римских мастеров, подражавших александрийским образцам, которое представляет собой уже вторичное явление, исчезают оригинальность и непосредственность. Бегемот, крокодил, аист или ибис, цветок лотоса изображаются, как по трафарету, и на пьедестале статуи Нила из Ватиканского музея¹⁸, и на многочисленных мозаиках¹⁹, и на фресках, например, в «Большой охоте пигмеев» (рис. 3)²⁰ или в помпейском Доме пигмеев²¹. Более того, сопоставление правой части рельефа Кампана с двумя мозаиками позволяет уловить определенный штамп в этих так называемых египтизирующих сценах.

Так, в доме Менандра в Помпеях, в центре пола одной из комнат сохранилась небольшая квадратная мозаика второго стиля с изображением Нила (рис. 5)²². На заднем плане здесь, как и на рельефе Кампана, расположены архитектурные сооружения, правда, традиционного характера, лишённые какого-либо «египетского» колорита. Аналогично рельефам Кампана большую часть пространства занимает Нил с его цветами, травами и водоплавающими птицами. В правом нижнем углу разместился крокодил (его фигура сильно повреждена). На него испуганно и напряженно оглядывается приготовившийся к схватке пигмей, стоящий в маленькой лодочке с высоко поднятыми изогнутыми носом и кормой. Дальше расположена еще одна большая лодка с четырьмя гребцами-пигмеями. Последняя деталь отличает композиционно несколько более сложную мозаику от рельефов Кампана, но в целом и принцип построения композиции, и элементы пейзажа, и карикатурные образы карликов-пигмеев с их утрированной мимикой совпадают на рельефах и мозаике. Здесь и там предметы и персонажи, более удаленные от зрителя, расположены выше — над ближайшими к зрителю, причем цветы, травы, птицы, животные и лодки с

¹⁵ Ф. Вийяр (Fr. Villard, Peinture. Grece Hellénistique deuxième partie, P., 1970, стр. 177) датирует мозаику из Палестрины 80-ми годами I в. до н. э. (табл. 181—186). Кастильоне датирует мозаику III в., а картину, послужившую ей образцом, — I в. (L. Castiglione, Griechisch-Ägyptische Studien, «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», V, 1—4, 1957, стр. 218, 220).

¹⁶ Villard, ук. соч., стр. 162, табл. 165, 166; стр. 163, табл. 167.

¹⁷ Здесь мы умышленно не затрагиваем проблему перспективы и передачи глубины пространства.

¹⁸ W. Amelung, Die Skulpturen des Vatikan Museums, I, B., 1903, № 109, табл. 18; W. Fuchs, в кн. Helbig, Führer durch die öffentlichen Sammlungen...⁴, Bd. I, Tübingen, 1963, № 440. Датировка статуи колеблется от I в. до н. э. до времени Флавиев.

¹⁹ См. R. Bartocchini, Rinvenimenti vari di interesse archeologico im Tripolitania, «Africa Italiana», 1927, № 1, стр. 247, рис. 37, 39; G. Guidi, La villa del Nila, «Africa Italiana», 1933, № 1—2, рис. 27; о других мозаиках речь пойдет ниже. См. прим. 22, 23, а также S. Aurigemma, Le terme di Diocleziano e il museo Nazionale Romana, Roma, 1970, № 47, стр. 27, табл. 10—11.

²⁰ G. Picard, Roman Painting, L., 1970, стр. 83, табл. LVI; G. E. Rizzo, La Pittura ellenistico-romana, Milano, 1929, табл. CLI.

²¹ K. Scheffold, Vergessenes Pompeji, Bern, 1962, табл. 147.

²² E. Pernice, Pavimente und figürliche Mosaiken, B., 1938, стр. 59, табл. 23, 6.

пигмеями заполняют поверхность равномерно, как правило, нигде не загораживая друг друга. Хотя мастер и испытывает определенный интерес к этой экзотической среде, ее элементы в значительной мере используются подобно орнаменту. Это впечатление усиливается еще из-за того, что предметы не уменьшаются по мере удаления от зрителя.

Другая помпейская мозаика из дома Прокула (рис. 6)²³ очень близка к описанной выше. С рельефами Кампана ее сближает (помимо тех особенностей, о которых уже упоминалось) такая деталь, как изображение слева от лодки крокодила в гигантском цветке лотоса.

Близка по композиционному построению к рельефам Кампана и найденная на Авентине мозаика из Национального музея в Риме со сценой охоты пигмеев на Ниле²⁴. На заднем плане — постройки, на переднем — воды Нила, изображение которых занимает большую часть мозаики, густо населенные флорой и фауной. В отличие от рельефов, на этой мозаике нет диспропорции животных и растений, позволяющей посадить крокодила в цветок лотоса, но предметы также не уменьшаются по мере удаления от зрителя, а лишь располагаются выше: цветы заднего плана — не меньше, чем переднего, а пигмей, стоящий на бегемоте на переднем плане, даже уступает по размерам находящимся сзади.

Существенное различие рельефов Кампана и мозаик заключается прежде всего в трактовке архитектурных мотивов. Легкие тростниковые постройки и изгороди, подобные изображенным на рельефах Кампана, неоднократно встречаются в римской живописи разных стилей с воспроизведением египтизирующего ландшафта²⁵. Один из наиболее показательных примеров — роспись колумбария виллы Памфили, где идиллический пейзаж включает тростниковую хижину, на коньке крыши которой стоит аист (рис. 4)²⁶.

На фреске четвертого стиля из Помпей²⁷ на заднем плане, на берегу Нила видна круглая постройка из тростника, к которой примыкает тростниковая изгородь. Такие изгороди, соединяющие постройки, можно встретить и на фресках Геркуланума²⁸, причем у оставленных в изгородях проходов виднеются лесенки из нескольких ступеней — деталь, присутствующая и на рельефах Кампана.

Что касается прямоугольного здания с двускатной крышей, то более ранний тип рельефов Кампана с нильским пейзажем, известный прежде всего по экземпляру из Музея дворца Консерваторов²⁹, свидетельствует о том, что первоначально эта постройка изображалась обычной, сложенной из квадров камня, а позднее превратилась в тростниковую, очевидно, для большей колоритности.

Круглые плетеные из тростника шалашы встречаются на мозаике El-Alia из Туниса, где изображена дельта Нила с уже знакомым нам стаффажем³⁰. Правда, крыши шалашей имеют особую загибающуюся форму, но в целом это постройка того же характера, что и на рельефах Кампана.

²³ Там же, стр. 96, табл. 41, 1.

²⁴ R i z z o, ук. соч., табл. CLXXXVIIa; M. P a l l o t i n o, *Arte figurativa e ornamentale*, 1940, стр. 78.

²⁵ Р о с т о в ц е в, ук. соч., стр. 24, 26.

²⁶ V i l l a r d, ук. соч., стр. 173, табл. 176 (датирует роспись 25 г. до н. э.); Р о с т о в ц е в, ук. соч., стр. 24.

²⁷ R i z z o, ук. соч., табл. CLXXV.

²⁸ Р о с т о в ц е в, ук. соч., стр. 61, рис. 4.

²⁹ V o n R o h d e n, W i n n e f e l d, ук. соч., табл. XXVII. Мы не разбираем подробно этот вариант, так как он существенно отличается в деталях и размерах от варианта, к которому принадлежал эрмитажный фрагмент.

³⁰ Р о с т о в ц е в, ук. соч., стр. 91, табл. XIV; Ростовцев вслед за Гоклером считает эту мозаику работой мастера из Александрии не позднее конца I в.

Э. Бабелон определял ее как *maralia* — особый тип жилищ туземцев Северной Африки, описанный римскими авторами³¹. Однако М. И. Ростовцев упоминает подобный шалаш, изображенный еще на рельефе эллинистического времени из Пергама, и приходит к выводу, что «перед нами типичное жилье полудиках пастухов, вошедшее в обычную типичную эллинистического пейзажа»³². Таким образом, тростниковая архитектура рельефов Кампана, так же как животные, птицы и пигмеи, свидетельствует о стремлении воспроизвести не столько реальный нильский пейзаж, сколько некий символ воображаемой экзотической жизни Нила.

Архитектурное обрамление придает своеобразие этому типу рельефов Кампана. Здесь, однако, автор композиции не был самостоятелен в своем творчестве. Он лишь сумел использовать принцип и образцы живописи второго стиля, в которой стена трактовалась как манящий иллюзорный пейзаж, открывающийся в пролете арки или между колоннами портика, благодаря чему создавалась иллюзия единства пространства окружающей природы и жилища³³.

Живописно выполненное архитектурное обрамление пейзажа на стене комнаты дома под дворцом Домициана в Риме³⁴ очень во многом совпадает с таковым на рельефах Кампана. Ландшафт как бы открывается в пролете арки. Свод арки подчеркнут параллельными дугами, концы которых упираются в капители колонн, ограничивающих пейзаж по бокам. К этим колоннам примыкают колонны более высокие, со сложными капителями, кажущиеся более выпуклыми и расположенными ближе к зрителю. Эти высокие колонны держат орнаментально украшенный антаблемент.

Другой пример — роспись в доме Германика на Палатине³⁵, где пейзаж тоже открывается в пролете арки со сводом, подчеркнутым параллельными дугами, который опирается на гладкие прямоугольные пилоны с простыми по форме капителями. К пилонам примыкают высокие стройные колонны, поддерживающие возвышающийся над аркой антаблемент, который был украшен фигурным фризом, как это встречается и на одном из вариантов рельефов Кампана с нильским пейзажем³⁶.

Датировка плит Кампана этого типа I веком, к которой пришел Д. Керн³⁷, представляется убедительной. Учитывая, однако, что уже во втором десятилетии I в. второй стиль сменяется третьим³⁸, можно предположить, что рельефы Кампана изучаемого типа, хотя и должны были отставать от живописи, вряд ли могут датироваться временем, более поздним, чем середина I в.

Таким образом, фрагмент рельефа Кампана из собрания Эрмитажа представляет собой часть терракотовой плиты I в. н. э. с изображением нильского пейзажа, принадлежавшей к группе рельефов Кампана, которая наряду с мозаиками, фресками и скульптурой отражает египтизирующее направление в римском искусстве этого времени.

³¹ E. Babelon, *Maralia*, статья в кн.: D a r e m b e r g e t S a g l i o, *Dictionnaire des antiquités*, IIb, стр. 1592.

³² Р о с т о в ц е в, ук. соч., стр. 94, прим. 1.

³³ F. W. Lehmann, *Roman Wall Painting from Boscoreale in the Metropolitan Museum of Art*, Camb. Mass., 1953, стр. 155 сл., прим. 79.

³⁴ R i z z o, ук. соч., табл. XVIII.

³⁵ A. Mau, *Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji*, В., 1882, табл. IX.

³⁶ V o n R o b d e n, W i n n e f e l d, ук. соч., стр. 155, рис. 289.

³⁷ K e r n, ук. соч., стр. 14.

³⁸ А. П. Ч у б о в а, *Древнеримская живопись*, М.— Л., 1966 (без пагинации)

A CAMPANA RELIEF WITH NILE LANDSCAPE

Ye. N. Khodza

In the Campana collection of reliefs in the Hermitage there is a small fragment on which is depicted a crocodile sitting on an enormous lotus flower. A reconstruction of the whole relief shows it to belong to the group represented also in the Budapest Museum of Fine Arts and the Municipal Gallery in Frankfurt-am-Main. The scenery of the Nile with its own peculiar animal and vegetable life, against the background of which unfold episodes in the life of the Pygmy-dwarfs, was a subject borrowed by Roman art from the artist of Hellenistic Alexandria. The Roman versions lack the originality and immediacy of the Alexandrian work: hippopotamus, crocodile, stork and lotus flower are depicted as though by cliché, repeating themselves even in their conventionality on Campana reliefs and in frescoes and mosaics. With these latter the Campana reliefs are united by similarity of compositional treatment and in certain details. The light reed structures and enclosures of the Campana relief, like the animals, birds and Pygmies, show an intention to represent not so much the actual Nile landscape as an imaginary exotic Nile world. The architectural forms of this type of Campana relief reflect the second style of painting and date the Hermitage relief in the first half of the 1st century A.D.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБИН